

ОКОНЧАНИЕ.

В 1921 году он закончил Петроградское театральное училище, затем танцевал в знаменитом Марининском театре. Он являлся организатором и участником группы «Молодой балет». В начале 20-х годов вместе с другими деятелями культуры он выехал в Монте-Карло, где и увидел его знаменитый Дягилев. Этот человек обладал поразительным нюхом на таланты, и он очень помог брату. Когда у Георгия начался туберкулез, Дягилев на свои средства послал его на лечение в Швейцарию, в одну из престижных клиник. После операции, которая прошла удачно, он продолжил занятия хореографией. Но решение остаться за границей у него не было окончательным. Потому-то он и написал в Петроград письмо. Ответ был весьма однозначным: немедленно возвращайтесь. Несите ответственность. Какую «ответственность» он должен был понести — ясно. Он не вернулся. И можно понять почему.

Все это я узнал намного позже, из его рассказа, уже после нашей первой встречи, через много лет — в 1962 году. Но, я думаю, не будь этой телеграммы — не было бы и балетмейстера Джорджа Баланчина.

— Интересовались ли Вы родословной Вашей семьи?

— Такой самоцели не было, но кое-что я знаю. Например, что дед мой был священником, что традиционно в нашей семье передаются по мужской линии имена. Одно время меня интересовало происхождение фамилии Баланчивадзе. Я узнал, что очень далекие наши предки на протяжении нескольких поколений служили при царском дворе шутами. Как впоследствии выяснил академик Шанидзе, эти люди назывались «баланчи». Вот, наверно, отсюда и пошла наша фамилия. Кроме того, известно, что эти наши предки были, как бы это мягче сказать, — уродливыми, т. е. у многих из них была неправильная челюсть. Это передавалось из поколения в поколение, даже и у меня это заметно. Ну, а потом все-таки предки наши были артистами. И это унаследовано тоже. Отец мой был композитор, брат — балетмейстер, сын мой Джорджи — музыкант, дочь Цискари — балерина, а внук пока учится играть на скрипке...

— Скажите, Андрей Мелитонович, то, что произошло с Вашим братом, не отразилось на Вашей биографии?

— Я расскажу вам. Занимаясь в Ленинградской консерватории, я еще со второго курса активно сотрудничал с рабочими театрами, рабочими коллективами. Однако считал себя вне политики. Но как-то партком консерватории предложил мне вступить в партию. Хотя я и не собирался этого делать, но анкету заполнил. А потом вот что произошло. На собрании меня представили, охарактеризовали положительно, особенно подчеркивали мое сотрудничество с рабочими театрами. Но тут встал один из преподавателей и напомнил им кое-что из моей биографии. Очень хорошо помню его фразу: «У вас что, глаза закрыты? Да ведь Баланчивадзе — брат белоэмигранта, мерзавца!». Все сразу приоткрылось, и мою кандидатуру быстро отклонили. Уже после собрания наш партком рекомендовал мне отделиться от брата. Но, знаете, я им тогда сказал, как думал — если это требуется для партбилета, то я никогда так не поступлю. С тех пор я — беспартийный, хотя и легко в то время отделился.

Позже, уже где-то в 34—35 годах, меня просили написать письмо брату с просьбой о его возвращении. Меня пригласили в определенное учреждение, повезли туда на черной машине и фактически приказали сочинить такое послание. Я не смог отказаться — писал какие-то странные фразы-полунамеки. Но как потом выяснилось, уже из рассказов Джорджа, он писем этих не получал.

Второй раз я побывал в известной организации уже не в связи с братом. Это касалось постановки моего балета «Рубиновые звезды» в Большом театре. Дело было в 50-х годах, после известного постановления о журнале «Звезда». Дважды спектакль снимали какие-то комиссии, и вообще и мне, и постановщику Лавровскому трепали нервы. Наконец, мы наивно решили отстоять наш балет и написали письмо Берия. Представьте, он ответил короткой газеточкой: семь раз — отрезать, один раз — отрежь. До сих пор не знаю, что он хотел этим сказать. А балет вышел уже при Хрущеве, но назывался он впоследствии иначе — «Страницы жизни». Правда, его очень быстро «заморозили».

— Не было ли у Вас когда-либо желания уехать к брату?

— Однажды он прислал мне в Ленинград письмо, в котором предложил вызвать меня. Не знаю, то ли пригласить, то ли навсегда. Честно говоря, мне хотелось погостить, но в Ленинградской консерватории мне ответили жестким отказом. Это звучало так: прогуляешься — вышвырнем вон. Но ведь я и не думал уезжать. Посмотреть мир, увидеть других людей — да, но навсегда — ни в коем случае.

А вот уже после XX съезда, когда приоткрылся «железный занавес», я, можно сказать, побывал во всем мире. И вообще я по натуре не домосед, люблю ездить, и даже сейчас, несмотря на возраст, не отказываюсь от поездок. И не только не могу сидеть на одном месте, но и писать так, как скажем, лет двадцать-тридцать назад. Я меняюсь

смотреть и на какое общество рассчитывать. Скажем, Карузо... Он итак считался народным певцом. А Моцарт, Чайковский, Бах...

— У Вас в кабинете на стене — портрет Баха. Это, наверно, не случайно!

— Нельзя сказать, что это единственный любимый мой композитор. Я приверженец и Листа, и Вагнера, и Моцарта, и других замечательных классиков. Но Бах — эта такая огромная философия, глубина... Сегодня большинство современных композиторов занимаются внешними эффектами в музыке. А когда слушаешь Баха, то чувствуешь, что говорит он с вами откуда-то сверху, из другого духовного мира. Это — космос, это музыка высочайшего класса, и когда мне бывает скучно, я

Многие годы дружбы связывали меня с Дм. Шостаковичем. Когда его официально «прорабатывали», я вступился за него. Я думаю, что мне не стыдно было бы рассказать и еще об одном эпизоде. Однажды всех нас — председателей творческих союзов — вызвали в Союз писателей Грузии. Там проводился расширенный пленум, где все собравшиеся должны были «высказать свое мнение и отношение» к Борису Пастернаку и его «Доктору Живаго». На этом пленуме, как вы сами понимаете, было высказано немало «теплых» слов, а ведь многие даже романа не читали. Я выступил в защиту писателя. Собственно, нас нашлось в тот день только двое — я и Нина Табидзе. А через много лет, когда мы наконец познакомились с Пастернаком, мне было очень приятно, когда он обнял меня.

— Считаете ли Вы свою судьбу счастливой?

— В принципе, да. Хотя сейчас очень модно говорить об обратном. Но, скажем, в отличие от композиторов такой сложной судьбы, как Дмитрий Шостакович, моя жизнь протекала намного спокойней. Но вот, например, после известного постановления о формализме моя Первая симфония была запрещена к исполнению и Второй концерт — тоже. Для творческой личности состояние души в такой момент — ужасно. А с другой стороны, какой необыкновенный подъем, когда ты знаешь, что твоя музыка нужна, что ее помнят. Несмотря на тяжелейшие минуты горя, тревоги, боли для моего народа, и для меня в том числе, я был горд, что в дни трагедии 9 апреля по телевидению, радио звучала моя Вторая симфония. А недавно, когда случилось несчастье на канатной дороге, по телевидению передавали Седьмую симфонию Бетховена, и вдруг — сразу после нее — полились звуки моей Четвертой, которой я дирижировал сам. Не скрою, я был горд. Кстати, ведь Вторая симфония, она как нельзя лучше отражает настроение скорби — написана — то она была сразу после марта 1956 года, под впечатлением событий той тревожной весны.

— Андрей Мелитонович, одно из главных впечатлений от прошедшего XXVIII съезда КПСС — удручающее отсутствие общей культуры. Казалось бы, столько сказано за прошедшие годы, столько споров и дискуссий пролетело над страной, можно и чему-то научиться. Но вот, как видим... нет. Поэтому, наверное, съезд впервые громкогласно объявил о приоритете науки, образования, культуры...

— Все наши беды от того, что культура в таком трагическом состоянии. Что имели — растеряли за какие-то семьдесят лет. Сегодня массовая культура направлена в основном на развлечения. Молодежь поголовно увлеклась рок-музыкой. Я считаю, что такая музыка сильнее наркотиков, она убивает потребность в прекрасном. Если и дальше так будет продолжаться, а, судя по просто астрономическим тиражам популярнейших дисков, так оно и будет, нас ждет мало хорошего. Люди, воспитанные на таких ритмах, не могут воспринимать ни Баха, ни Моцарта. Поэтому перед нами стоит одна задача — поднять культуру, без нее невозможен расцвет нации.

— Все-таки такое доброе начало должно начинаться с детства, с семьи.

— Безусловно. Вот, например, в нашем доме было принято музицировать. Да и вообще эта традиция свойственна грузинским семьям. Она была всегда, но почему-то с годами утрачена. И меня это тревожит. Может быть, именно поэтому в настоящее время я работаю над новым альбомом. Это будут пластинки, рассчитанные на любителей. В альбом войдут знакомые мелодии, несколько стилизованные, а человек, хоть немного знакомый с инструментом, нотами, сможет подыграть, подпеть. За рубежом такая практика существует. Полезно она будет и для нас. Возможно, таким образом в семьях вновь возродится традиция.

Ведь наш прогресс зазисит не только от состояния экономики, но и от духовного развития. Я часто бываю в районах республики. Люди живут богато, а культуры нет. Оттого и бездуховность.

— Какой Вы видите Грузию завтра?

— Во всяком случае, я не хотел бы, чтобы она была похожа на другие страны. Грузия — страна древнейшей культуры, которую нам надо сохранять, развивать. В нашем прошлом — наше богатство. А хороший хозяин всегда должен думать о том, как его приумножить.

Инна ИНАШВИЛИ.

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

каждый день, так же, как и сама жизнь, которая все время изменяется.

Меня часто в последнее время спрашивают, что я думаю о перестройке. А я отвечаю: я перестраиваюсь всю жизнь, я должен постоянно обновлять самого себя, свои мысли, свою музыку. Так, как я писал пять лет назад, я, конечно, уже не напишу. И это есть нормальная творческая жизнь, нормальное творческое состояние.

— Специалисты и критики считают, что с каждым годом Вы пишете все лучше, а последние сочинения — просто шедевры...

— Вообще, я отношусь к себе очень критично, хотя и пишу много и, так сказать, знаюсь в классиках. Но, наверное, пройдет какое-то время, и многое из сделанного оценят по-иному. А сам я очень люблю свою Первую симфонию. Она складывалась в трудное время, в Великую Отечественную, и ей тогда была присуждена Сталинская премия.

— Насколько я знаю, не единственная...

— Да. Таких премий было две. И уже готовилась третья Сталинская, но я ее не получил, так как вскоре последовала смерть Сталина. Имелось в виду, что премии отметят мою Третью симфонию. Но затем я несколько раз удостоивался Государственных премий СССР.

Кроме того, я — один из первых лауреатов премии имени Руставели, кавалер четырех орденов Трудового Красного Знамени. Наверное, не каждый рабочий был удостоен стольких наград. Мне даже неловко их все перечислять. Тем не менее я являюсь обладателем двух орденов Ленина и плюс ко всему Героем Социалистического Труда, народным артистом СССР. Вот какой солидный список. Да, и еще — «Знак Почета». Но я никогда свои ордена и медали на ношу. Незачем это... Дело не в них, а в работе.

— А что Вы вообще думаете о присуждении званий? Сейчас многие выступают против этого...

— Трудно сказать. Смотря с какой позиции подходить. Вот, например, когда я был в США, то в нашем же посольстве в Вашингтоне меня попросили не представляться во время концертов как «народный артист». Американская публика не поймет, объяснили мне, и добавили — не обижайтесь, но слушатель может расценить звание «народный» как заурядный исполнитель, ну, скажем, такой, который играет по дворам. Словом, скоморох.

Но в нашей действительности звания имеют значение. Так что, как видите, это смотря чьими глазами на них

обязательно слушаю ее, она меня направляет вверх, заставляет с Богом говорить.

— Андрей Мелитонович, а Вы — верующий человек?

— Я просто по-другому воспитан с детства. В церковь, быть может, и не хожу, но живу со своим Богом в душе.

— Вы всегда были вне политики, не состояли в партии. И тем не менее в самые «застойные годы» возглавляли Союз композиторов Грузии. Думаю, что в те годы это был редкий случай в практике, не так ли?

— Представьте себе — да. Двадцать пять лет я стоял во главе нашего союза. И, кроме того, будучи беспартийным, трижды избирался депутатом Верховного Совета Грузинской ССР, а затем и Верховного Совета СССР.

Кажется, в 1972 году в газете «Правда» была напечатана передовая, и, если я не ошибаюсь, называлась она «Творческие союзы — под партийный контроль». Она и положила конец моей общественной работе: на очередном съезде меня переизбрали.

Но что удивительно, недавно приходили ко мне молодые композиторы, многие из них — мои ученики, и предлагали вновь возглавить нашу творческую организацию. Конечно, приятно, но отказался. Тяжело. Возраст не тот, да и работать надо, не отвлекаясь.

Сейчас в Союзе композиторов Грузии очень сложная ситуация. Много споров накануне нашего профессионального съезда. На нем будет поднято очень много серьезных вопросов, среди них — выборы председателя, решение: выйти ли им из-под опеки центра. Я лично думаю, что главное — в том, кто возглавит союз. Важно, на мой взгляд, другое: тот, кому достанется это тяжелое бремя, в первую очередь должен быть хорошим организатором, независимо от своего дарования.

— Вы — человек яркой биографии. Вам есть что вспомнить. Не было ли у Вас желания написать автобиографию?

— Надо бы... Но, как всегда, времени не хватает.

— Какое событие в Вашей жизни оставило значительный след?

— Довоенные годы. В то время я очень много писал, мои сочинения часто исполнялись. В 1938 году в Ленинграде был поставлен мой балет «Сердце гор», который прославил меня. Чуть позже была написана Первая симфония.